

Фрагмент макроэкономической панельной дискуссии

«Обеспечение макроэкономической устойчивости, создание условий для экономического развития» в рамках форума «Россия зовет!»

Ведущий: Госкомпании были существенным источником масштабных инвестиций, инвестиционных проектов последнего времени. Однако закрытие доступа на рынки капитала, необходимость выплачивать внешний долг, а в случае сырьевых компаний еще и падение цен на сырье, заставляют вносить коррективы в инвестиционные планы и стратегию развития компании. Игорь Иванович, вы не могли бы рассказать о том, как изменения во внешних условиях за последние полтора года повлияли на госкомпании, программы их развития. И более узкий вопрос: не могли бы вы высказать свое мнение по необходимости помощи нефтегазовому сектору в настоящий момент в нашей стране. Спасибо.

Игорь Сечин, Председатель Правления ОАО «НК «Роснефть»: Добрый день, уважаемые друзья, члены Правительства, коллеги! Сейчас модератор попросил меня выступить от лица госкомпаний. Я этого сделать не могу, потому что «Роснефть» не является госкомпанией, а является обычным акционерным обществом. У нас, по сути, только две госкомпании – это «Ростехнологии» и «Росатом». Если можно, я все-таки от лица отрасли и компании «Роснефть» свое мнение выскажу. В начале нужно предварить свое выступление поручением, которое я получил от организаторов форума. Оно состоит в том, что я должен оживить дискуссию. Значит, постараюсь это сделать. Судя по всему, у нас не одна, по крайней мере, а несколько по разному функционирующих экономических моделей – модель Министерства финансов кратко была изложена сейчас Министром, сводится к годовому бюджету и использует легенды о девальвационном доходе в экспортных отраслях. Есть модель Центрального банка, который контролирует денежную массу, инфляцию, курс, величину общественных валютных активов. При этом надеемся, что все-таки решение о снижении валютного регулирования и поддержке инвестиционных процессов будет выполнено. Есть предложения Минэкономразвития, которые являются более реалистичными. Есть модели независимых экспертов – Кудрин, Гуревич, например, то есть моделей очень много, к сожалению, реального роста нет.

Более того мы видим, что виртуальные начисления того же девальвационного дохода приводят к реальному изъятию инвестиционных

ресурсов из системообразующих отраслей российской экономики. Эта ситуация когда-то давно была описана в Екклесиасте, где по аналогичному поводу сказано – «кривое не может сделаться прямым и то, чего нет, нельзя считать».

К внешним негативным факторам, о которых сказал модератор, в нефтяной отрасли относятся не только падение цен на нефть, санкции, но и ограничение на привлечение капитала, технологические ограничения, введение, скажем так, общее налоговое окружение. В том числе и введение большого налогового маневра, повышение процентных ставок, увеличение тарифов и так дальше. Итог вот этих воздействий таков, что в первом полугодии 15-го года нефтяная отрасль получила отрицательный денежный поток. При этом надо отдавать себе отчет, и мы слышим это, и сегодня Антон Германович сказал, отметив, что есть текущая стабильность добычи. Так вот, я хочу обратить внимание, что эти результаты, полученные в результате инвестиций прошлых лет, и, конечно, в этом смысле динамику инвестирования надо поддерживать, а не изымать ресурс из действующих инвестпрограмм.

Ситуация, как раз, с инвестиционными программами нефтяной отрасли ухудшается после принятия в рамках бюджетного процесса решения по сохранению в 16-ом году на текущем уровне экспортной пошлины на нефть. Если эта тенденция будет продолжена, в течение ближайших трех лет, мы будем испытывать эти риски снижения добычи на 25-30 миллионов тонн нефти ежегодно. Это также будет продуцировать негативный бюджетный эффект. Таким образом, наша принципиальная позиция состоит в том, что ключевые изменения в модели роста должны быть связаны со стабильной налоговой системой и с обеспечением инвестиционного процесса. На современном этапе налоговая система должна иметь универсальный характер. Достаточно сказать, что разница в фискальных режимах для различных отраслей у нас просто необъяснимая: от 1% до 82%, как у нас, вот, как в нашей компании, за это я должен поблагодарить Антона Германовича. Он сказал, что мы живем очень хорошо. 82% – это наш вклад. Такого не бывает.

Инвестиционная привлекательность отрасли во многом зависит от предсказуемости и стабильности налогового режима, особенно учитывая длительный характер инвестиционного цикла в нашей индустрии. Так, что эти 2 условия являются принципиальными для принятия инвестиционных решений.

Безусловно, для нефтяной отрасли важнейшим фактором инвестиционной привлекательности всегда будет оставаться уровень мировых цен, поэтому не могу не коснуться этой темы.

Конечно же, рынок нефти за последние полтора года кардинальным образом изменился. Эти важнейшие изменения были связаны, прежде всего, с феноменом сланцевой добычи и тем обстоятельством, что регулирование, которое раньше исполнялось странами, входящими в организацию ОПЕК, перешло, по сути, стало формироваться на региональном рынке США, который превратился в важнейший регулятор глобального масштаба. Надо отметить, что это произошло, в том числе, не только потому, что возникла сланцевая добыча в том числе, и за счет того, что именно в США присутствует весь набор факторов, которые влияют на развитие конкурентного нефтяного рынка. Это и финансовые источники, финансовые деривативы, биржевые площадки, развитая система нефтегазопроводов и огромное количество подрядных организаций, конкурентных, которые мультиплицируют эффект от отрасли. В этой связи в среднесрочной перспективе тенденции мирового нефтяного рынка также будут определяться на рынке США. И в частности тем, как в ближайшее время, до конца года, будут осуществляться отдельные контракты по хеджированию сланцевой добычи.

Так что мы сейчас в силу неопределенности мировой конъюнктуры вынуждены переходить к годовому бюджетному планированию. Хотя последний прогноз Минэкономразвития у нас на три года. Тема сегодняшней дискуссии – это модель экономического роста стратегического свойства. И, безусловно, все это нужно рассматривать на длительных интервалах времени. Принципиальные изменения модели роста, конечно, требуют существенных инвестиций.

И, я напомню, что два года назад на этом же форуме Президент России Владимир Владимирович Путин говорил о необходимости повышения доли инвестиций в ВВП до 25 - до 27%. Сейчас, к сожалению, мы имеем только 18%.

Хотел бы подчеркнуть, что механизмы повышения инвестиционной активности требуют не только институциональных решений, изменений, их важнейшая составляющая – сама динамика реальных инвестиций. Инвестиционный спрос проявляется в росте закупок оборудования (об этом сказал Алексей Валентинович), в начале строительства новых объектов, заказах на проектирование, увеличении занятости и так дальше.

Существенно то, что инвестиционный спрос в одних отраслях, как в нефтегазовом секторе, неизбежно порождает производственный инвестиционный спрос в других отраслях. Наращивание инвестиций является не только результатом, но и важнейшим фактором улучшения инвестиционного климата.

Самое главное – это, конечно, поддержать и профинансировать инвестиционный спрос, обеспечить его адекватной кредитной поддержкой. Необходимо, в частности, по максимуму использовать механизм проектного финансирования. Следует так же обратить внимание на то, что в наиболее сложные, кризисные годы инвестиции, вложенные в нефтегазовую отрасль, в меньшей степени подвержены влиянию конъюнктуры и выступают своего рода стабилизаторами инвестиционного процесса. Значит, здесь мы абсолютно поддерживаем позицию Минэкономразвития.

Помимо упомянутых мер, о которых мы говорим, нам представляется, что также могли бы содействовать формированию в стране новой модели экономического роста и другие:

1. Обеспечение долгосрочных кредитных ресурсов для поддержания инвестиционной активности, рост коммерческого кредитования. Конечно, в ряде случаев надо понять, почему таких программ долгосрочных мы не реализуем, при том, что мы инвестируем десятки миллиардов долларов именно в казначейские облигации США, финансируя ими фактически рост не России, а Соединенных Штатов;
2. снижение стоимости внутренних заимствований;
3. ограничение роста тарифов, естественных монополий, которые должны отображать главным образом ограничение затрат, необходимых для повышения доступности услуг. Иногда мы сталкиваемся с такой ситуацией, когда естественные монополии исходят не из стоимости прокачки или транспорта наших товаров, а из их рыночных цен. Или когда, например, когда на территории России мы вынуждены оплачивать услуги естественных монополий - в валюте! Где ж тут эффект девальвирования, о котором мы говорим?!
4. переход к универсальной предсказуемой долгосрочной модели налогообложения, стимулирующей инвестиционную деятельность.

Спасибо большое!